

— Сяодоу?

Открыв дверь в гостевую комнату, он убедился, что тот не приходил.

Хэ Чжаньшу быстро отодвинул занавеску и выглянул наружу. Снег уже шёл сильнее, крупные хлопья падали под светом фонаря. На скамейке прямо напротив его дома сидел Хуан Сяодоу, держа в руке сигарету и глядя вверх.

Хэ Чжаньшу разозлился. На улице метель, а он сидит в снегу, любуется снегопадом? Замёрзнет же!

Схватив куртку, он накинул её на себя, не сменив даже домашних тапочек и пижамы, и в ярости выбежал из дома.

Только выйдя на улицу, он понял, насколько сильный был снегопад. Снег доходил ему до щиколоток!

Холодный снег попал ему за шиворот, и Хэ Чжаньшу мгновенно почувствовал, как его пронзил северный ветер.

Скользя на каждом шагу, он подбежал к Хуан Сяодоу. Тот был бледен от холода, шапка и одежда покрыты снегом, на ресницах висели сосульки! Видно было, что он давно сидел на морозе.

Хэ Чжаньшу просто взбесился! Этот негодяй опять начал свои штучки?

— Я же сказал тебе вернуться спать! Что ты здесь делаешь?

— Я хотел пойти!

— Так иди!

— Но без приглашения хозяина я, как гость, не могу просто так войти. Это невежливо!

— Ты издеваешься?

— Это не мой дом.

— Как это не твой дом? Ты можешь жить здесь сколько угодно, я тебя не выгоню. В большом доме ты не так церемонился, а здесь вдруг начал! Пошли домой!

— Ты больше не выгонишь меня!

— Брось работу в охране, и я не выгоню! Ты больше не должен так работать без отдыха!

— Хорошо!

— Ты просто выводишь меня из себя! Когда-нибудь я так разозлюсь, что запру тебя и выпорю!

Хэ Чжаньшу в гневе схватил Хуан Сяодоу за руку и грубо потащил его к дому.

— Сидеть зимой в снегу, ты не боишься, что к утру замёрзнешь и станешь ледяной статуей?

— Я боюсь, что если я внезапно уйду, ты меня разлюбишь.

— Когда ты шалишь, ты не сомневаешься, а сейчас вдруг начал церемониться? Если продолжишь, я тебя точно выпорю!

Хэ Чжаньшу кричал, чтобы скрыть своё чувство вины. Как он мог заснуть, оставив Хуан Сяодоу ждать на улице?

Наверное, Хуан Сяодоу стеснялся, ведь это был его дом. Хуан Сяодоу боялся, что его заподозрят в краже. В доме было много антиквариата, и он, возможно, опасался что-то повредить.

— Тогда я останусь, буду жить здесь, как у себя дома?

— Это и есть твой дом!

— Когда я был ранен, ты не пустил меня сюда!

— Я был не дома, и не мог за тобой ухаживать! Я отправил тебя в большой дом, чтобы родители могли позаботиться о тебе! У тебя память, как у иголки, ты что, не мужчина? Такой обидчивый!

Хуан Сяодоу сдержанно улыбнулся. Ему казалось, что разгневанный Хэ Чжаньшу, тащащий его домой, выглядел гораздо привлекательнее, чем когда он сидел в антикварной лавке в элегантном костюме и пил чай. Хотя сейчас он был в тёмно-синей пижаме, выглядевшей немного мешковато, и его тапочки промокли, он всё равно был очень красив, особенно в домашней обстановке.

— Брось работу в охране!

— Знаю!

— Ты меня просто убьёшь. Я никогда не видел кого-то более раздражающего, чем ты. Залезай в дом, прими горячий душ и ложись спать!

Открыв дверь, он толкнул Хуан Сяодоу внутрь. В комнате было тепло, чего Хуан Сяодоу так долго ждал. На улице было так холодно, что он почти окоченел!

Но он не мог сдать себя холоду. Он ждал именно этой ночи.

Хэ Чжаньшу действительно не приглашал его в дом. Хотя он говорил, что ночью можно приходить спать и есть, он никогда не говорил: «Мой дом — твой дом»!

Хуан Сяодоу хотел жить в доме Хэ Чжаньшу, но не как гость, который придёт на несколько дней, а навсегда, как супруг.

Он хотел, чтобы Хэ Чжаньшу сам сказал: «Мой дом — твой дом»!

Холод не пугал его, он бы вышел.

Он хотел вызвать его жалость и сострадание.

Все предыдущие шаги, будь то помощь в поимке продавцов подделок, косвенное участие в уничтожении мастерской по производству подделок или помощь в обнаружении изъянов в подделках, а также его мягкое кокетство — всё это давало Хуан Сяодоу уверенность, что момент настал.

Если бы Хэ Чжаньшу не испытывал к нему чувств, зачем бы он готовил для него, покупал одежду, привозил закуски из командировок? Это просто скрытые чувства!

Поэтому он не боялся холода, он специально сидел там, ожидая, когда Хэ Чжаньшу сбежит вниз и заберёт его домой.

Первый шаг вторжения — успех!

Хэ Чжаньшу затащил Хуан Сяодоу в ванную и пошёл искать свою пижаму.

Было уже четыре часа утра.

— Сегодня утром не нужно вставать рано, поспи до обеда, потом пойдёшь в лавку.

— Моя лавка...

— Кто-то присмотрит за ней.

Хэ Чжаньшу бросил ему полотенце и начал вытирать его волосы, грубо и быстро, словно моя собаку. Затем он дал ему фен.

На кухне он сварил чашку красного имбирного чая и, несмотря на возражения Хуан Сяодоу, что он слишком острый, заставил его выпить.

Лицо Хуан Сяодоу порозовело, он зевнул.

Никто из них давно не высыпался. Теперь, когда он наконец смог остаться здесь, он мог немного расслабиться и хорошо выспаться.

Он больше не стал ничего говорить и пошёл спать.

Хуан Сяодоу был очень послушным. Он больше не пытался проверять границы. Если бы он сейчас начал кокетничать и просить, чтобы его обняли, его бы точно выгнали в снег. Нужно знать меру!

Хэ Чжаньшу закрыл все занавески и тоже лёг спать.

Перед сном он привык читать книгу. Он взял книгу об антикварных лавках и другие книги в спальню. Его спальня была оформлена в китайском стиле, с тёплым желтоватым светом, дымчатым одеялом и плотными занавесками. В комнате было тихо и уютно. Он облокотился на подушки и уже собирался взять книгу, как заметил чёрный пакет. На ощупь это была книга, но он не успел её открыть.

Неужели это подарок к заказу? Он не придавал этому значения, разорвал чёрный пакет, и оттуда выпала книга с обложкой, на которой был изображён загорелый красавец, одетый только в белые стринги, одной рукой придерживающий край трусов, с развитой мускулатурой, открытой грудью и...

Подождите, это же Хуан Сяодоу?

Загорелая кожа, тело как у европейской модели, должно быть, лицо тоже как у европейской модели: глубокие глаза, чёткие черты лица. И волосы должны быть светлыми. Но вместо этого — лицо Хуан Сяодоу.

Хэ Чжаньшу быстро включил свет, боясь, что ему показалось, и поднёс журнал к лампе, чтобы рассмотреть. Это действительно было лицо Хуан Сяодоу.

Видимо, лицо оригинального красавца было вырезано и заменено на лицо Хуан Сяодоу.

Загорелая кожа, развитая мускулатура, соблазнительная поза, кудрявые светлые волосы и улыбающееся детское лицо.

Словно лицо слона заменили на лицо обезьяны, но тело осталось слоновьим!

Это было настолько странно, что вызывало дрожь.

Но самое страшное было впереди. Хэ Чжанышу открыл журнал, и перед его глазами предстали мускулистые красавцы в различных купальниках, с минимумом ткани, едва прикрывающей важные места. А некоторые и вовсе были без одежды, лежали, выставляя свои ягодицы, или использовали оливковый мяч для прикрытия. Их позы были всё более соблазнительными: сидящие с широко расставленными ногами, лежащие на боку, с обнажённой спиной, крупные планы на пресс с каплями пота, руки, лежащие на груди. Одним словом, солнечный пляж и красивые мужчины, как будто в роскошном дворце.

Если вам нравится тёмный принц, то это был тёмный, как чёрный жемчуг, но с лицом Хуан Сяодоу.

Если вам нравится светловолосый принц, то это был блондин, чьи волосы светились на солнце, но с лицом Хуан Сяодоу.

Шесть кубиков пресса с красивым тату — и всё с лицом Хуан Сяодоу.

Соблазнительные ягодицы — лицо Хуан Сяодоу.

Длинные ноги — лицо Хуан Сяодоу.

Сексуальные ключицы — лицо Хуан Сяодоу.

Сто с лишним страниц, сто с лишним разных красавцев — и все с лицом Хуан Сяодоу.

Кожа такая тёмная, а лицо Хуан Сяодоу, ухмыляющееся и кривляющееся, выглядело просто жутко.

Хуан Сяодоу, ты что, помесь жёлтой и чёрной расы? Помесь не удалась, и тело унаследовало от отца, а лицо — от матери? Почему ты не стал зеброй?

<http://bllate.org/book/15289/1350785>